

Матьяна
Люшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Чудо купальской ночи
Влюбиться в жертву
Больше, чем страсть
Красота по-русски
Любовь со вкусом вишни
Моя нечаянная радость
Девушка-праздник
Тот, кто назначен судьбой
Девушка из нежной стали
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви

Татьяна
Алюшина

Будьте моей
семьей

Роман

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 **Будьте моей семьей : роман / Татьяна Алюшина.** — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106788-5

Артем — состоявшийся в жизни мужчина, сильный и мужественный, а семьи до сих пор нет. Он все чаще задумывается о сыне, но ни одна женщина не кажется ему подходящей на роль жены. Однажды Артем встречает Арину, красивую молодую маму, умную и независимую. К тому же та занимается интересным делом — шоколадным бизнесом, и сердце его тает. Он готов усыновить чужого ребенка и делает предложение, только есть одно важное «но», которое Арина никак не может принять...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106788-5

«Пропало лето», — с ленивой досадой думал Артем, поглядывая через лобовое стекло на плотно затянутое тучами небо. Как сказал недавно один работник его компании, «гнилое лето», пояснив, что его бабушка, жившая в деревне, так говорила, когда заряжали дожди на неделю, а то и больше.

Какая неделя! Уж потерпели бы как-нибудь неделю-то, а тут вон заливает Москву и всю среднюю полосу страны, почитай, месяц кряду, и холод стоит, и тучи на небе день за днем, депрессия какой-то сплошной, а не лето. Чуть солнышко появится, одарит радостью и хоть немного потеплеет, так народ толпами на улицы и в парки гулять валит да по дачам стремительно разъезжается в надежде хоть немного расслабиться, погреться, поймать-ухватить тепла редкого. Какой-то выверт природы, ей-богу!

Красногорский снова глянул на небо — не-а, не просветлеет, вон как плотно все затянуто! А обещали потепление, хоть и временное, солнце и несколько дней без дождей.

Ну, положим, потепление есть. А вот солнце нынче не радуется — так, выглянет ненадолго, посмотрит, что тут творится, и снова тучами укроется — не нравимся мы ему нынче.

«А как хотелось», — непроизвольно вздохнул Артем.

Он любил их уютный дом и большой участок, любил полениться на даче в полное свое удовольствие, когда выпадала такая возможность.

Приехать жарким денечком и сразу на речку — поплавать до приятной усталости во всем теле, нырнуть до самого дна, до опасного подводного ключа, бывшего на глубине, да так, чтобы холодом пробрало до потрохов, а после размашистыми, мощными гребками переплыть речку обратно к своему берегу, выбраться из воды на чуть подрагивающих от усталости ногах и рухнуть животом на горячий песок, подставляя тело палящему солнышку.

Позагорать, прожариваясь, переворачиваясь с живота на спину, разомлев от удовольствия, а когда совсем припечет невмоготу от жары, заплывать еще разок, теперь уж размеренно-спокойно. А потом и домой.

А там мама уж и стол накрыла на веранде, чтобы чаевничать, никуда не торопясь, продолжительно-лениво и тихо беседовать, отпуская окончательно из себя всю накопленную усталость, суету и напряженность рабочей недели.

И непременно поваляться после чая в гамаке, устроенном между сосен, условно с книжкой для чтения, по факту же для умиротворенной, ленивой дремы и приятной неги...

Он любил заниматься никогда не переводящимися домашними делами, требующими мужского пригляда и руки — внимательно следил за всеми агрегатами, которые обеспечивали комфортную жизнедеятельность дома, проводил профилактику, менял подлежащие замене части, мог в удовольствии что-то и попилить-приколотить. Обрезать

деревья и копать немногочисленные грядки тоже было его обязанностью, да какой только заботы не требует хозяйство, даже такое отлаженное и неприхотливое, как их дача, на которой они предпочитали все же отдыхать, а никак не огородничать. А ему нравилось — выспаться, утречком сбегать на речку, поплавать, вернуться, не спеша позавтракать и заняться хозяйскими хлопотами. Никуда не торопясь, с расстановкой и толком, в удовольствие, а к вечеру снова на речку. А потом сидеть долгими вечерами на веранде, провожая очередной раскаленный день.

Красота ведь какая, а?

Ну и куда нынче со всеми этими мечтами о раслабухе и ожиданиями знойного лета и любимого отдыха?

На Кипр разве что или в Сочи, например, чтоб им всем весело жилось.

А нету там такой вот красоты и радости дачной. Вот нет, и все!

Он накручивал себя глухим недовольством и мысленным ворчанием, подогреваемым к тому же чувством вины перед мамой за то, что не приезжал больше трех недель. Хотелось оправдаться и отбрезаться, мол, из-за работы, но уж чем-чем, а самообманом Артем Красногорский не страдал с подросткового возраста, да и не позволял себя эдакой ерунды, так что нет, не из-за работы не приезжал, прости матушка. А именно что из-за погоды этой непутевой и настроения какого-то тягучего и мрачного, когда ничего не хочется и не может, не появлялся он на даче пред любящие матушкины очи.

Она не обижалась, все понимала и прощала, конечно, но вздыхала расстроено, когда сынок сообщал очередной раз, что не приедет, и жаловался все на ту же погоду, на настроение непонятное и во-

обще.... А она снова вздыхала, жалела его и... ждала. Конечно, ждала каждые выходные, а как же. Он понимал все ее ожидания и от этого только больше накручивал себя чувством вины, от чего ворчал пуще прежнего, заодно в сердцах поминая недобрим словом еще и образовавшихся постояльцев.

А это так вообще уже за гранью его понимания — постояльцы!

В этом году матушку посетила странная прихоть — сдать часть дома жильцам на лето. И придумала же такое! Откуда что взяла! Вот взбрело же в голову!

— Подожди, Артемочка, — отстаивала она свою мысль, когда сын принялся ее вразумлять, — дом у нас большой, участок огромный, за всем я одна не угляжу, хоть Варя мне и помогает, да и Степан Сергеевич поддерживает. Но, в основном я тут сижу, как сова в дупле, одна-одинешенька. А так сдадим «молодежную половину» хорошим людям, и мне веселей — компания образуется, и людям в радость. Да и денег заработаем.

«Молодежной половиной» они называли три комнаты с примыкающими к ним небольшим кухонным уголком, санузлом и душем, имеющими свой отдельный вход, которые при перестройке и ремонте дома делали с расчетом на то, что там будут жить Артем с женой, как бы условно в своем обособленном крыле, хотя эта часть и была напрямую соединена с «Большим домом» проходной комнатой. Правду сказать, «молодежная половина» и на самом деле большую часть времени стояла закрытой и использовалась, только когда приезжали гости. Артему с мамой вполне хватало «Большого дома», весь второй этаж которого занимал он единолично, тоже с отдельным выходом через малую веранду на

задний двор, так что уединенности для него здесь было с избытком.

— Каких денег? — негодовал, заводясь, Красногорский. — Mam, ну ты о чем?

— Деньги лишними не бывают, — настаивала мама и объясняла: — Ну Артемушка, ну подумай сам, ведь сижу тут все лето одна, ты только в выходные появляешься, да и то не каждые, а мне живого человеческого общения не хватает, не в Москву же за ним мотаться. Да и не хочется мне в Москву.

— Да у тебя соседи постоянно тут толкуются, вон тот же Степан Сергеевич, — возразил Артем.

— Это все не то, — отмахивалась Лидия Архиповна. — Приходят, да только мы все дела огородные обсуждаем и поселковые сплетни-новости. А сосед, он хоть и человек интересный, но уж больно занудный и себя одного считает авторитетом по многим вопросам. С ним общаться можно весьма дозированно.

— Так пригласи подруг с детьми и внуками, — предложил Артем.

— Да не хочу я подруг, — отмахивалась Лидия Архиповна. — Ты не понимаешь, Артемушка, тут момент тонкий. Я, конечно, люблю своих подруг, но сам подумай: они все независимые, своенравные, привлекли устраивать жизнь по своему характеру и привычкам, а тут у меня будут вроде как под хозяйкой жить, по моим законам и правилам. Одно дело приехать на несколько дней, когда они гости дорогие, любимые, жданные-желанные — погостили и уехали, другое дело жить месяц-два-три, это уж общежитие какое-то получается. А у них у всех характеры ты сам знаешь какие — не рахат-лукум. Переругаемся, останемся недовольны друг другом, да еще и претензий наживем на годы вперед. Нет

уж, увольте, я уже не в том возрасте, чтобы терять друзей из-за житейских дрызг и трений характеров.

— А с постояльцами, значит, предполагается, что ты жить будешь душа в душу, — недовольно ворчал Красногорский, уже понимая всю очевидную бесполезность отговаривать ее и вразумлять.

— Надеюсь, — смеялась мама и успокаивающе гладила его по голове. — Я ведь не абы кого возьму, а по рекомендации людей, которым доверяю. И не просто так это придумала. Меня уже неоднократно друзья спрашивали, не сдам ли я закрытую часть дачи. Вот я и решила этим летом попробовать. К Мише обращусь, он людей проверит по своим картотекам или что там у них есть.

Михаил Захарович — старинный друг их семьи, вернее, близкий друг отца еще с их юных лет, ну а потом уж и его семьи, разумеется, в целом, долгие годы служил в МВД и дослужился до больших чинов, с которых и уволился в запас. Но наработанные связи остались.

Артем больше маму не отговаривал — если ей так хочется и вот прямо припекло, да на здоровье! Может, и на самом деле повеселей ей будет, да и не одна все же, какой-никакой, а пригляд. Есть у них, правда, помощница приходящая, Варвара Николаевна, местная жительница пятидесяти двух годов, но... Варя — она и есть Варя, не до куртуазных общений ей, не приспособлена вести умные беседы. И такая, как бы определить помягче, упертая. Все-то она сама знает, как и что надо устраивать в жизни, в хозяйстве, советов чужих не приемлет, наставлений не переносит. Такой типажик непробиваемый.

— Жизнь надо жить, — говорит она безапелляционным наставническим тоном, — а не разговоры

разговаривать о ней непонятно зачем. Вот как заведено правильно, так и надо жить.

А мамушке порой как раз-таки хочется и «разговоры поразговаривать» с интересным собеседником. Так что пусть, раз уж пришла в голову такая прихоть — сдать часть дома жильцам, пусть.

Может, и удачной идея окажется. Посмотрим.

Артем в выборы постояльцев не вмешивался, предоставив маме самой этим заниматься, только позвонил и лично спросил у Михаила Захаровича, когда мама определилась с выбором арендаторов, нормальные ли люди, и, получив подтверждение по всем статьям, с уверением, что Артем может совершенно не беспокоиться о мамушке, Красногорский тему дачных жильцов отодвинул куда-то на задворки памяти.

Мама рассказывала что-то про поселившихся жильцов, когда они с ней созванивались, мол, женщина, как и она, коренная москвичка, ее ровесница, с внуком, замечательная, интеллигентная, с которой они сразу же расположились друг к другу и буквально через пару дней сдружились, и что-то еще, еще — Артем не запоминал. Главное, маме хорошо, она счастлива и новую подругу заимела — и слава богу.

А тут собрался наконец ехать, и мало того что настроение кислое, так вспомнилось еще с раздражением и о чужих людях в доме. Даже прикинул на мгновение, а не втюхать ли любимой маменьке присутствие жильцов как одну из причин его длительного непосещения родительницы, но как подумал, так и отмел эту мимолетную мысль. Во-первых, она тут же поймет, что он тупо отбодряется, находя себе оправдание, а во-вторых, чего врать-то, не любил он это дело — помни потом, что сбредал,

держи в голове весь этот мусор. Да и зачем? Смысла никакого. Ну не приезжал, хандрил, ну вот едет же.

Кстати, за тягучими мыслями-размышлениями и бурчанием недовольным уже вон и доехал, и не заметил как. Чего уж теперь канючить — ладно, и с дождичком отдохнем, не прокиснем, может, даже и за грибами в лес сходит, и с жильцами как-то уживемся, поворчал он напоследок, останавливая машину у ворот на участок.

Обычно Артем открывал ворота с пульта, сразу же заезжая на дорожку к гаражу, но сегодня повременил, вспомнив, что мама предупреждала, будто кто-то там должен приехать в эти выходные к ее жилище в гости. Вот и решил, прежде чем парковаться, сначала посмотреть, может, кто на автомобиле прикатил и поставил свое транспортное средство за воротами.

С такой мыслью Красногорский и заглушил мотор, достал ключ из замка, распахнул дверцу и выбрался из комфортного охлажденного кондиционером нутра машины во влажное тепло улицы.

И сразу же резко по ушам ударил какой-то дикий, пронзительный кошачий вой, доносившийся откуда-то с их участка, словно кто-то уронил нечто тяжелое прямо на причинное место несчастному животному.

Кошачий вой не прекращался, а как бы даже набирал обороты, и Красногорский поспешил пройти в калитку.

— Какого хрена тут происходит?

На широкой дорожке, ведущей к гаражу, никакой машины не было, зато за одним из кустов бузины, которые окаймляли эту самую дорожку, прятался неизвестный ребенок. Приподнявшись на цыпочки и держась ручонками за ветки, он вытягивал

головку, старательно высматривая что-то важное в направлении дома, настолько сосредоточившись на своем занятии, что не замечал ничего вокруг.

Совсем маленький пацаненок. Артем не сильно-то и разбирался в детях и их возрасте, но поскольку у его близких друзей дети имелись, то их возраст Красногорский хоть как-то мог идентифицировать: десять, семь лет и два года.

Этому было явно меньше семи, но больше двух.

И тут Артем сообразил, что любое его обращение к мальчику, громкий звук шагов или резкое движение неизбежно напугают малыша. А если учесть, что тот внезапно увидит здорового незнакомого дядьку рядом....

Такая немного патовая ситуация.

Но, не умея предаваться затяжным сомнениям, предпочитая принимать быстрые решения и действовать, Красногорский с максимальной осторожностью прошел вперед, поддернув брючины, присел на корточки метрах в полутора от ребенка, чтобы и в самом деле не испугать парня, и достаточно громко, чтобы перекрыть дикий кошачий вой, но все же с осторожностью спросил:

— И что там происходит?

Мальчишка все-таки вздрогнул и резко повернулся на голос. Но что странно, не испугался, а как-то насупился, что ли, — строго сведя бровки, с подчеркнuto недоверчивым и настороженным выражением личика, вдруг спросил громким, звонким голосочком:

— Ты кто?

— Артем Борисович, — подчеркнuto ровным доброжелательным тоном представился Красногорский и добавил для большей ясности: — Сын Лидии Архиповны.

— А-а-а, — заметно расслабился мальчонка, перестав смотреть с неодобрительным подозрением на незнакомого дядьку, и вдруг сложил ладошки замочком и прижал ручки к груди, словно ожидал, что вот прямо сейчас его начнут за что-то отчитывать и ругать. — Я знаю: ты хозяин. — И спросил с сомнением: — Ты будешь сейчас со всем разбираться?

— С чем разбираться? — уточнил Артем, сдерживаясь, чтобы откровенно не разулыбаться — до того комичным выглядел малыш с этими его сложенными ручками и настороженным видом провинившегося в чем-то человечка.

— Не знаю, — принялся пояснять ребенок. — Бабушка Лида говорит, когда надо что-нибудь сделать: «Вот приедет хозяин — он и разберется». Я пока только узнал, что такое хозяин, мне бабушка Лида показывала портрет, там ты. — И, расцепив ладошки, ткнул пальчиком в сторону Артема, видимо, чтобы тот точно понимал, что речь идет именно о нем. — Ты ее сынок и хозяин. — Подумал и уточнил: — Она так сказала. А про «разбираться» я пока ничего не знаю.

— Понятно, — кивнул Артем и спросил: — Тебя как зовут?

— Матвей Ахтырский, — отрапортовал ребенок, старательно выговаривая свою фамилию по слогам, выделив с нажимом первый слог.

— И от кого ты тут прячешься, Матвей Ахтырский? — поинтересовался Артем.

— Не, не прячусь. — Мальчишка отрицательно покрутил головой, вздохнул с тяжелой безнадежностью и пояснил: — Я немного переживаю.

— Чего? — боролся с предательски расплзающейся улыбкой Красногорский.

— Пока мама остынет и можно уже будет идти, — как нечто очевидное пояснил пацан.

Мальчишка был чудесный. Обаятельный и невероятно забавный — густые пшеничные волосы топорщились упрямыми вихрами на затылке и у висков, на носу и щеках красовались крупные веснушки, а глаза были огромными, редкого темно-синего оттенка. И его круглое личико отображало все его стремительно меняющиеся эмоции, такие непосредственные, чистые, живые.

Было совершенно очевидно, что он еще тот школьник и явно что-то натворил, и теперь героически прячется в кустах, вернее, как он выразился, «переживает, пока мама остынет», и что-то подсказывало Красногорскому, что переживание это было напрямую связано с диким кошачьим воем.

— Та-а-ак, — протянул Артем, — а скажи мне, Матвей, почему кошка так завывает, ты знаешь? — и указал рукой в сторону дома, где так и не прекращался жуткий кошачий вой, режущий слух.

— Знаю, — кивнул мальчонка и объяснил: — Это Маруся кричит, — и добавил как нечто само собой разумеющееся, подкрепив высказывание энергичным жестом, разведя ручки в стороны: — Она так радуется.

— Какая-то мучительная радость у нее получается, — с сомнением заметил Артем, которому снова пришлось сдерживать улыбку, и продолжил: — А чему она *так* радуется, ты знаешь?

— Знаю, — снова кивнул Матвей.

— Может, расскажешь? — предложил Артем

Мальчонка тяжело вздохнул, печально нахмурился и приступил к повествованию:

— Бабушка Лида сказала нам с Вовой, что у Марульки сегодня день рождения. А на день рожде-